СМОЛЕНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
1918

Известия Смоленского государственного университета

Ежеквартальный журнал
№ 2(58)

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 01 декабря 2015 года № 13-6518 журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Смоленск
2022

Редакционный совет

М.Н. Артеменков (*Смоленск, председатель*), И.В. Романова (*Смоленск, зампредседателя*), М.А. Можейко (*Минск, Республика Беларусь*), Б.В. Носов (*Москва*), Ф.Б. Успенский (*Москва*), З.А. Харитончик (*Минск, Республика Беларусь*), М. Хикки (*Блумсберг, США*)

Редакционная коллегия

И.В. Романова (*гл. редактор*), А.В. Тихонова (*зам. гл. редактора*), Р.В. Белютин (*отв. секретарь*), С.Н. Андреев, Д.Е. Комаров, Л.И. Ивонина, Е.А. Кучинская, Л.В. Павлова, Л.В. Рацибурская, А.М. Ранчин, В.В. Сергеев, А.Г. Сильницкий, Н.А. Фатеева

Редакционно-издательский отдел

16+

214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4,
Смоленский государственный университет
телефон: (4812)700232
E-mail: izwestija@smolgu.ru

Л.В. Павлова, И.В. Романова

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2022-58-2-18-33

ПРИСУТСТВИЕ ЧЁРТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ АЛЕКСАНДРА ТВАРДОВСКОГО

Ключевые слова: *А.Т. Твардовский; образ черта; фразеологические обороты; художественный мир; лексические комбинации.*

В представленной статье рассматривается одна из сторон традиционной литературной оппозиции ‘Бог – черт’, а именно черт. Художественный мир Твардовского антропоцентричен. В нем отрицается присутствие и воздействие на человека сверхъестественных начал. В поэтическом языке Твардовского лексемы Бог и черт в большинстве случаев входят в состав фразеологических оборотов. Постепенное освоение образа черта происходит по принципу семантической градации – от экспрессивного возгласа до создания оригинального амбивалентного образа. Но черт Твардовского не противостоит Богу. Это сверхъестественная сила, которая есть в каждом человеке. Она просыпается в трудных, «адских» обстоятельствах и становится залогом победы.

Хоть, понятно, черта нет…
А.Т. Твардовский «Василий Теркин»

Коллеги А.Т. Твардовского по редакции журнала «Новый мир» А.И. Кондратович и В.Я. Лакшин вспоминали, что одной из его любимых книг был роман Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит», откуда Твардовский часто цитировал новомирцам фразу, ставшую его девизом: «Вперед и пусть даже к черту в пекло» [Кондратович, 1991, *470*; Лакшин, 2004] Эти же слова Твардовский использовал в качестве эпиграфа в своем историческом письме в Секретариат Правления Союза писателей СССР от 5 июня 1969 года, в котором просил освободить его от занимаемой должности главного редактора «Нового мира» [Твардовский, 2004, *152*], а также в письме Константину Симонову от 18 января 1970 года по поводу запрещения поэмы «По праву памяти» [Твардовский, 2005, *155*]. Так упоминание черта с вызовом в этом жизненном девизе подтверждает бесстрашие характера Твардовского.

Одна из ключевых мировоззренческих и, соответственно, традиционных литературных оппозиций – ‘Бог – черт’. Значение, функции, способы реализации этой оппозиции и отдельных ее компонентов – важные составляющие описания и интерпретации художественной картины мира как отдельного автора, так и определенного историко-литературного периода.

Знаковой фигурой советского периода отечественной литературы с его отчетливо выраженным атеистическим пафосом, без сомнения, был Александр Трифонович Твардовский. Религиозная тема никогда не причислялась к комплексу основных тем его творчества, оставаясь в стороне от магистрального вектора твардовсковедения. В рабочих материалах для энциклопедии «А.Т. Твардовский» нет словарных статей, отражающих отношение писателя к религии или выражение этой темы в его художественном языке [Александр Трифонович Твардовский. Энциклопедия, 2014]. Если вопрос о религиозных представлениях Твардовского, нашедших выражение в художественных произведениях, и затрагивался, то, как правило, фрагментарно, в контексте народных верований, фольклорных традиций [Даниленко, 2015; Ефременков, 2006; Ильин, 2015; Титова, 2015]. Подобное «умолчание» – факт не только филологических работ о Твардовском, в большинстве своем созданных во времена жестко определяющей исследовательский интерес идеологической целесообразности, но и, прежде всего, художественной практики самого писателя. Декларативное отрицание как Бога (*Бога нет*[1]), так и черта (*черта нет*[2]) – не только воспроизведение духа времени, это одно из показательных свидетельств антропоцентричности поэтического мира Твардовского.

По сути, таковым же отрицанием присутствия в этом мире, а следовательно, и воздействия на человека сверхъестественных начал является и частое их упоминание «всуе»: божба и чертыхание. В поэтическом языке Твардовского[3] лексемы *Бог* и *черт* в подавляющем большинстве случаев входят в состав фразеологических оборотов (см. табл. 1), функция которых аналогична экспрессивным междометиям, примете разговорного стиля, культивируемого автором. Пристрастие Твардовского к подобным конструкциям фиксировалась ранее на материале его дневниковой прозы: «Самая удивительная, с нашей точки зрения, особенность фразеологического словаря Твардовского связана с тем, что в нем актуальны ФЕ с компонентом *бог* <…>. Известно, что Твардовский был атеистом, но в соответствии с русской культурной традицией из вариантного ряда ФЕ (фразеологических единиц. – *Л. П., И. Р.*) с компонентами *бог / черт* он отдает предпочтение оборотам с компонентом *бог*» [Фархутдинова, 2011, *157*].

---

[1] Например, молодой тракторист в «Стране Муравии» нигилистически-радостно повторяет «Нету Бога», «Бога нет»: «Извиняюсь, бога нет. <…> – Ладно, дед. Нету бога, / – Прицепляйся на буксир» [Твардовский, 1976–1983, *I, 277*]; «Жду тебя к себе на свадьбу, / Приглашаю, бога нет!..» [Твардовский, 1976–1983, *I, 279*]. Далее при цитировании этого издания в скобках будут указываться только номер тома и страницы.

[2] «Хоть, понятно, черта нет, Да поди сюда, пожалуй, Так узнаешь, где тот свет» (II, *323*).

[3] Материалом настоящего исследования послужили все поэтические произведения (лирика и поэмы), а также дневниковая проза («Рабочие тетради»).

Таблица 1

Фразеологизмы с *Бог* в произведениях А. Твардовского

1	Боже мой (3)	1. «До чего же хороши, / Боже ты мой, кони!» («Страна Муравия» (I, 266); 2. Но боже мой, и все-таки неправда, / Что Жизнь с годами сходит вся на клин <…> («Когда обычный праздничный привет…») (3, *203*); 3. Его мужицкое тщеславье, /О, как взыграло – боже мой! («По праву памяти») [Твардовский, 1987, *8*]
2	Ей-богу (2)	1. Слепого бьют... Разбой!.. / – Да как же, братцы, – зрячий он. / – Ей-богу, был слепой. («Страна Муравия») (I, *273*); 2. Полюбите вы его, / Девушки, ей-богу! («Василий Теркин») (II; *259*)
3	Дай бог (2)	1. Только молвит, провожая: – / Воротиться дай вам бог... («Василий Теркин») (II, *169*); 2. Она не блекнет за последней гранью, / Та слава, что на жизненном пути – / Не меньшее, чем подвиг – испытанье, – / Дай бог еще его перенести («Памяти Гагарина») (III, *297*)
4	У Бога дней (много) (2)	1. Косить еще успеется, / На все у бога дни... («Страна Муравия») (I, *283*); 2. У бога дней не так уж много, / Но стану ль попусту скорбеть, / Когда не вся еще дорога / И есть, что видеть, есть, что петь («За далью даль») (III, *253*)
5	Бог с тобою / с ним (2)	1. Бабка охнула тревожно, / Завозилась на печи. / – Бог с тобою, разве можно... / Помолчи уж, помолчи («Василий Теркин») (II, *206*); 2. И о замысле своем / Не жалел я, а подумал: / Бог с ним – глядь, еще умрем. / И хотя тогда не умер, / Позабыл совсем о нем («Я задумал написать…») (III, *17*)
6	Бог (в) помощь (1)	– Бог помощь, граждане, / Колхозники ай нет?.. («Страна Муравия») (I, *283*)
7	Ни боже мой (1)	Весь год – и летом и зимой, / Ныряют утки в озере. / И никакой, ни боже мой, – / Коммунии, колхозии!.. («Страна Муравия») (I, *242*)
8	Не приведи Бог (1)	Чужой солдат вошел в ваш дом, / Где свой не мог войти. / Вам не случилось быть при том? / И бог не приведи! («Дом у дороги») (II, *353*)
9	Избави Бог (1)	Покамест молод, малый спрос: / Играй. Но бог избави, / Чтоб до седых дожить волос, / Служа пустой забаве («Не много надобно труда…») (III, *82*)
10	Береги Бог (1)	Самозащите доверяясь шаткой, / Невольно прихорашивать итог... / Но вдруг подумать: / Нет, спасибо в шапку, / От этой сласти береги нас бог («Допустим, ты свое уже оттопал…») (III, *199*)
11	Бог послал (1)	Я рад любому месту в мире, / Как новожил московский тот, / Что счастлив жить в любой квартире, / Какую бог ему пошлет («За далью даль») (III, *220*)
12	Бог нанес (1)	Дивись, отец, всплакни, родная, / Какого гостя бог нанес <…> («По праву памяти») [Твардовский, 1987, *5*]
13	Бог весть (1)	Не что-то там в дали, / Во мгле моей дороги длинной, / Не бог весть где, не край земли, / А край такой же серединный <…> («За далью даль») (III, *232*)
14	Слава Богу (1)	Ты жив-здоров – и слава богу <…> («За далью даль»)
15	Боже сохрани (1)	– Да я ж!.. Да господи спаси, / Да боже сохрани!.. / Скажи – коси, скажи – носи, / Скажи – ворочай пни!.. («Страна Муравия») (I, *290*)
16	Богом данный	Из фонда богом данных лет Ты краю этому и года / Не уделил («За далью даль») (III, *302*)

Бог в стихах и прозе Твардовского рассматривался в статье Л.В. Павловой, И.В. Романовой и Е.В. Казарцева [Павлова, Романова, Казарцев, 2021]. Исследование показало, что с годами Твардовский становится более избирателен в выражениях. Его речь обогащается осознанным упоминанием Бога. В грубо насаждаемом атеизме и его языке Твардовский видел не систему убеждений, а переход на сторону зла. Таким образом, упоминание Бога, особенно в зрелом периоде, в ряде случаев так или иначе ассоциировалось им с религиозным аспектом.

Остановимся подробнее на присутствии черта в творческом сознании Твардовского.

1. Упоминание, семантически не наполненное (черт – ничто, ругательный возглас, говорится «черт», но не подразумевается нечистая сила).

В большинстве случаев у Твардовского черт вполне соответствует своей традиционной характеристике – бесплотен и невиден. И презентацией его выступает семантически редуцированное упоминание. Твардовский активно обращается к обильному языковому ресурсу – просторечной лексико-фразеологической группе инфернальной направленности (см. табл. 2).

Таблица 2

Фразеологизмы с *черт* в произведениях А. Твардовского

1	Что за черт / чертовщина (4)	1. Смотрит – что за черт!; 2. Слышит – что за черт?.. («Страна Муравия») (I, *277*); 3. Но читатель начеку: / – Что за чертовщина! («Теркин на том свете») (III, *325*); 4. Ахнул Теркин: / – Что за черт, / Что за постановка <…> («Теркин на том свете») (III, *335*)
2	Черт с тобою / ним / ней (3)	1. Убегу – и черт с тобой!.. («Страна Муравия») (I, *286*); 2. Ну, черт с ним, ребята, когда он такой, / Придется добить под Варшавой («Дорога до дому») (II, *149*); 3. Теркин немцу дал леща, / Так что собственную руку / Чуть не вынес из плеча. / Черт с ней! Рад, что не промазал <…> («Василий Теркин») (II, 216)
3	Ни черта (2)	1. Обстрел все гуще. Ни черта! / Видали не такой («Сержант Василий Мысенков») (2; *40*); 2. (*О танке*) Вдруг как сослепу задавит, – / Ведь не видит ни черта («Василий Теркин») (II, *163*)
4	Какого черта (3)	1. Ну, какого черта, / Бродишь тут, как чумовой / Беспокоишь мертвых («Теркин на том свете») (III, *368*); 2–3. И чувство вины, и стыда, и просчета / Меня охватило. Какого же черта!.. <…> Какого же черта!.. Ведь ночью недавней / Звонил мне редактор, не просто, а главный <…> («Московское утро») (III, *120*)
5	До черта (2)	1. – Цурюк! – / Не молод он, / Устал, до черта жарко, / До черта обозлен, / Себя – и то не жалко... («Дом у дороги») (II, *357*); 2. Кабинетов до черта, / А солдат без места («Теркин на том свете») (III, *344*)
6	Черт дери (1)	Парню до смерти неловко. / Эх ты, черт ее дери! («Страна Муравия») (I, *278*)
7	Ни к черту (1)	Видит сам: дела ни к черту, / Нет кампаниям конца («Женитьба шофера») (I, *213*)

8	Черти носят (1)	Эх, друг родной, сказать любя, / Без толку носит черт тебя!.. («Страна Муравия») (I, *296*)
9	Черт возьми (1)	Черт тебя возьми, моя родимая, / Старая Смоленщина моя!.. («Смоленщина») (1;89)
10	Черт поймет (1)	Шел бой за улицу. Огонь врага был страшен, / Мы прорывались к площади вперед. / А он гвоздит – не выглянуть из башен, – / И черт его поймет, откуда бьет («Рассказ танкиста») (II, *45*)
11	К черту (1)	Так сошлись, сцепились близко, / Что уже обоймы, диски, / Автоматы – к черту, прочь! / Только б нож и мог помочь («Василий Теркин») (II, *216*)
12	Вот черт! (1)	Вот где черт! («Василий Теркин») (II, *219*)
13	Черт где (1)	А война пошла такая – / Кухни сзади, черт их где! / Позабудешь и про голод / За хорошею войной («Василий Теркин») (II, *311*)

Эмоционально-разговорными возгласами с чертовщиной наполнены произведения Твардовского. Это показатель не столько индивидуальной писательской позиции, сколько творческой ориентации на народную речь советского периода. Открытое, пусть и «по ходу», «между делом», поминание черта – яркое свидетельство перемен, произошедших в русской языковой картине мира, где в предшествующие эпохи сдерживалось, вплоть до табу, использование подобных конструкций: «<…> в народной речи упоминание черта в чисто экспрессивной функции было исключено не только в пушкинскую эпоху, но и значительно позже, заменяясь эвфемизмами типа “прах тя побери”, “провал тя побери”» [Лотман, 1995, *339–340*].

2. Упоминание со смещением семантического акцента (черт сам по себе ничто, это возглас, но похвальный в адрес человека, говорится «черт», но подразумевается не нечистая сила, а человек).

Наряду с сугубо отрицательными характеристиками, выводимыми из противопоставления высшим началам, за *чертом* в русском языке закрепилась возможность передачи положительных смыслов: «Ценностно-оценочный уровень концепта заключает в себе амбивалентную оценку с преобладанием негативного содержания» [Осипова, 2020, *46*]. Так, наречие *чертом* означает «лихо, молодцевато». Твардовский использует эту языковую возможность, наполняя похвалами с чертовщиной свои произведения.

Подобного возгласа удостаивается счастливый соперник, длинный перечень достоинств которого завершается досадливым, но беззлобным *черт* (парадигма «соперник → черт»):

Видно, он хороший парень,
Передай ему привет.
Пусть он смелый,
Пусть известный,
Пусть еще побьет рекорд,
Но и пусть мою невесту
Хорошенько любит,
Черт!..

(«Невеста») (I, *103–104*)

Черт поминается и для того, чтобы выразить восхищение мастером-кузнецом, бравирующим небоязнью стихии огня, жара, пышущего как в аду (парадигма «кузнец → черт» имеет мифопоэтические корни и отражена во многих сказках). В ранних стихотворениях, как и позже в «Василии Теркине», рядом с чертом упоминается и один из смертных грехов – гордость:

Сам кузнец форсист и горд,
– Что ж, нельзя иначе,
И прикуривает, черт,
От клещей горячих.
(«Еще раз про Данилу») (I, *175*)

Отцовская кузница в поэме «За далью – даль» описывается как место, где юный автор первоначально черпал познания о жизни, о мире. Всеобъемлющий масштаб этих познаний измерялся в диапазоне от Бога до нечистой силы:

Там был приют суждений ярых
О недалекой старине,
О прежних выдумщиках-барах,
Об ихней пище и вине;
О загранице и России,
О хлебных сказочных краях,
О Боге, о нечистой силе,
О полководцах и царях;
О нуждах мира волостного,
Затменьях солнца и луны,
О наставленьях Льва Толстого
И притесненьях от казны...
(III, 228)

Даже любовь к своей малой родине, предстающей в образе старой матери (*родимой*), поэт «украсил» восклицанием с *чертом*:

И лежали мхи непроходимые,
Золотые залежи тая,
Черт тебя возьми, моя родимая,
Старая Смоленщина моя!..
(I, *89*)

Знаком уважения и дружбы служит сопоставление однополчан с чертями в «Василии Теркине» (парадигма «солдаты → черти»):

Сплю скорей да жду вестей.
Все сказал до корки...
Обнимаю вас, чертей. Ваш
Василий Теркин.
(II, *281*)

Два солдата встречных армий в сцене их радостной встречи в поэме «За далью – даль» также названы *чертями*:

Что дальше делать – вот задача.
Вдруг кто-то в голос – сверху –
вниз
– Целуйтесь, черти! –
Чуть не плача,
Вскричал.
И хлопцы обнялись.
(III, *293*)

В стихотворении «Разговор с Падуном» уже люди, созидающие новую жизнь в трудных природных условиях, сопоставляются с чертями, и это есть особая интимная форма выражения любви автора, его восхищения мощью человеческого рода:

Я правду всю насчет людей
С тобой затем делю,
Что я до боли их, чертей,
Какие есть, люблю.
(III, *104*)

Наряду с семантически не наполненными выражениями с *чертом* Твардовский вводит в свой авторский словарь *черта* в факультативном (положительно-оценочном) языковом значении. В подобных случаях за наименованием *черт* стоит не сверхъестественная сущность, а качество / чувство: лихость, размах, азарт, даже любовь и т.п. в интенсивном проявлении.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова среди пяти значений слова *черт*[4] отметим пятое: «Твор. п. ед. ч. чортом употребляется также в значении лихо, залихватски (разг. фам.)» [Толковый словарь русского языка, 1996, *1290*]. Это же значение зафиксировано в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка», но уже в функции не наречия, а существительного: «Перен. Разг. О ком-нибудь очень смелом, ловком и т.п.» [Словарь современного русского литературного языка, 1965, *949*]. Примеры из произведений Твардовского демонстрируют переход выражений с компонентом *черт* от просторечных бранных к своей противоположности.

Н.В. Шведова отмечает, что фразеологизмы с именем прилагательным в сочетании с компонентом *черт* актуализируют семы, «отражающие определенные свойства нечистой силы, которые трансформируются в семы для

[4] «1. В суеверных представлениях – сверхъестественное существо, живущее в аду, олицетворяющее собой злое начало мира, противопоставляемое доброму началу (богу), то же, что злой дух, дьявол, сатана (обычно в облике человека, но с рогами, хвостом и копытами). 2. Бранное слово, которым обзывают кого-н. (разг. фам.). 3. Им. п. ед. ч. черт употребляется как междометие для выражения сильной досады, неудовольствия (разг. фам.). 4. В различных поговорочных выражениях употребляется как символическое обозначение полного отсутствия чего-нибудь, решительного отрицания чего-нибудь, крайней негодности чего-нибудь и т.п. 5. Твор. п. ед. ч. чортом употребляется также в значении лихо, залихватски (разг. фам.)» [Толковый словарь русского языка, 1996, *1288–1290*].

обозначения человека, что свидетельствует о высокой степени антропоцентричности описываемых фразеологизмов» [Шведова, 2004, *6*]. У Твардовского выражения с *чертом* отчетливо антропоцентричны, как и весь его поэтический мир.

Следующим этапом адаптации *черта* у Твардовского становится формирование полноценного с семантической точки зрения оригинального образа черта.

3. Формирование самостоятельного амбивалентного образа.

Отмеченная выше парадигма «солдат → черт», метонимически представляющая парадигму «война → ад», положена в основу авторского образа черта.

Этот образ максимально оформляется в поэме «Василий Теркин». В главе «Поединок» поминание черта достигает максимальной концентрации – на 10 строк 7 словоупотреблений. К сопоставлению с нечистой силой автор прибегает при описании немецкого солдата, с которым бьется Теркин. Образ сопоставления в парадигме «немец → черт» строится из отдельных элементов инфернального резюме, знакомого по фольклорной или христианской традициям.

В описании мощи противника («силен и ловок, / Ладно скроен, крепко сшит», «сытый, бритый, береженый» и т.д.) присутствует говорящая деталь – «он стоял, как на подковах», порождая приближающую к народному образу черта ассоциацию с копытом. Сущность этой враждебной силы подчеркивается отрицанием, отделяющим немца от рода людского и добра (= зло, нечеловек):

Добрым людям люди рады.
Нет, ты сам себе силен.
Ты наводишь
Свой порядок.
Ты приходишь –
Твой закон.
(II, *217*)

Свой порядок, твой закон – так Твардовский трансформирует традиционную характеристику черта как иного, чуждого. Свой порядок = иной порядок, твой закон = иной закон. Основа этого разрушающего привычный уклад и саму жизнь[5] закона (на что указывает и рифма *силен – закон*) – обособленная сила, отчужденная от всеобщего блага (*сам себе сила*).

На заданный вопрос «Кто ж ты есть?» и герой, и читатель уже знают ответ «Человек ты? Нет».

[5] Смертоносная угроза, исходящая от черта, подчеркивается и сопоставлением снаряда с чертом (парадигма «снаряд → черт»): Всей спиной, всей кожей слышит, / Как снаряд в снегу шипит... / Хвост овечий – сердце бьется. / Расстается с телом дух. / «Что ж он, черт, лежит – не рвется <…>» (II, *187*).

Таблица 3

Составляющие инфернального резюме, представленные «в россыпь» в поэме Твардовского

Пес как одно из излюбленных обличий, принимаемых чертом. Ср. *Пес* (*черт*) *его знает*; *К чертям собачьим*	Раз ты пес, так я собака, / Раз ты черт, / Так сам я – черт! (II, *219*)
Человекоподобие	Кто ж ты есть? Мне толку нету, / Чей ты сын и чей отец. / Человек по всем приметам, – / Человек ты? Нет. Подлец! (II, *217*)
Выходец из пространства смерти	Он ударил, не стращая, / Бил, чтоб сбить наверняка. / И была как кость большая / В русской варежке рука… (II, *215*)
Иной, иностранец[6]	немец
Сила	Немец был силен и ловок, / Ладно скроен, крепко сшит <…> (II, *215*)
Самость	<…> ты сам себе силен
Разрушение установленного порядка	Ты наводишь / Свой порядок. / Ты приходишь – /Твой закон (II, *217*)
Нечистый	До чего же он противный – / Дух у немца изо рта. <…> Ну и запах! Валит с ног (II, *216–217*)
Копыта	Он стоял, как на подковах <…> (II, *215*)

Уникальность реализуемой в поэме Твардовского парадигмы с образом сопоставления «черт» состоит в заменяемости ее основания сопоставления. В тексте актуализирована не только модель «немецкий солдат → черт», но и «Теркин → черт»: наряду с вполне объяснимой демонизацией врага происходит демонизация героя.

К столь дерзкому уподоблению автор прибегает, дабы показать, что его герой не признает превосходства противника, готов «бить врага на его территории».

Зверю – зверь и враг – врагу.
(II, *217*)

Ожидаемого традиционного противостояния: враг «от дьявола» – герой «от Бога» – у Твардовского нет. Подобно толстовскому Тихону Щербатому, его герой черпает силы в ненависти к врагу, в остервенении своем руководствуясь принципом «с волками жить – по-волчьи выть». Злая сила пробуждает единосущную силу. Все характеристики (зверь, враг, гордый, собака (пес)), последовательно приближающие к черту, теперь на двоих:

Немец горд.
И Теркин горд.
– Раз ты пес, так я собака,

[6] Один из типичных признаков нечистой силы – неразборчивость речи [Успенский, 2012, *17–65*].

Раз ты черт,
Так сам я – черт!
(II, *219*)

В этом наделении героя демоническими запредельными качествами нет мистического подтекста, оборотничества (несмотря на появление *шкуры* вместо кожи). Так Твардовским представлен один из ключевых мотивов поэмы – превозмогание страха смерти. Бить и побить врага можно, нужно не только усвоить его качества, но и стократно превзойти.

Градация с со сменой субъекта увенчивается редким для Твардовского приемом – созданием окказионализма: черт (ты), наши черти, все черти, в сто раз чертее (всех чертей):

В клочья шкуру – Теркин чуру
Не попросит. Вот где черт!
Кто одной боится смерти –
Кто плевал на сто смертей.
Пусть ты черт. Да наши черти
Всех чертей в сто раз чертей.
(II, *219*)

Б. Успенский, ссылаясь на работу Брюсова, утверждает, что обилие повторов – примета речи нечистого: черти «много раз одно и то же слово повторяют» [Успенский, 2012, *32*]. Возможно, отсюда и у Твардовского появляется выражение *чертее черта*, которое можно понимать так, что Теркин в поединке начинает говорить с соперником на равных, на одном языке.

Превосходство над чертом, будь то немец, будь то сам черт, русский солдат утверждает не только в рукопашном поединке, но и в другом жарком споре – в бане.

Нет, куда, куда, куда там.
Хоть кому, кому, кому
Браться париться с солдатом, –
Даже черту самому.

Пусть он жиловатый парень,
Да такими вряд ли он,
Как солдат, жарами жарен
И морозами печен.
<…>
Сила силе доказала:
Сила силе – не ровня.
Есть металл прочней металла.
Есть огонь страшней огня!
(II, *323–324*)

Снисходительно Теркин отмечает силу нечистого, но тут же иронично утверждает, что с русским солдатом черту не сравниться и в бане, где жарче, чем в аду (*Да поди сюда, пожалуй. / Так узнаешь, где тот свет* (II, *323*)).

Упоминание о *котле* (военный жаргон) можно рассматривать не только как созвучие с банной реалией, но и как метонимический намек на доминантную для поэмы парадигму «война → ад».

Не допариться в охоту,
В меру тела для бойца –
Все равно что немца с ходу
Не доделать до конца.

Нет, тесни его, чтоб вскоре
Опрокинуть навзничь в море,
А который на земле –
Истолочь живьем в «котле».
(II, *324*)

В главе «В бане» представлен единственный у Твардовского случай, где черт выступает не как образ сопоставления, а как основание сопоставления: «черт → жиловатый парень» (*Пусть он жиловатый парень*) и «черт → тертый малый» (*Пусть он, в общем, тертый малый*).

Столкновение двух мощных сил – Падуна-дьявола и людей-чертей Твардовский изобразит и в более позднем «Разговоре с Падуном»: *Мол, сила силе не ровня: / Что – люди? Моль. Мошка* (III, *102*). И снова это противоборство окончится победой человека.

4. Не осознанные автором ассоциативные связи черта в поэтическом языке Твардовского.

Данные ассоциативных словарей русского языка [Русский ассоциативный словарь, 2002; Сеть словесных ассоциаций] свидетельствуют о том, что слово *черт* традиционно вызывает несколько групп ассоциаций: 1) другие, синонимичные номинации и прочие представители инфернального мира (дьявол, сатана, ведьма, леший и т.п.); 2) приметы внешнего облика, место обитания (рога, копыта, хвост, черный, ад и проч.); 3) слова, выступающие с *чертом* в составе идиоматических выражений (возьми, побери, знает, куличики, проваливать, катиться, омут и т.п.); 4) антонимы (ангелы, Бог, рай); 5) слова, характеризующие ссору (браниться, выругаться, выгнать, перестрелять, выкинуть и т.п.).

Программный комплекс «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах» позволяет выявлять так называемые лексические комбинации – слова, устойчиво, из текста в текст, оказывающиеся поблизости от заданного слова (в нашем случае это *черт*) у того или иного автора. Наши исследования показывают, что так проявляются как общеязыковые, общепоэтические, так и индивидуально-авторские ассоциации в поэзии Твардовского [Pavlova, Romanova, 2016]. *Черта* в его стихотворениях и поэмах сопровождает следующая лексика: *знать, дорога, мочь, Теркин, дело, идти, вдруг, немец, ехать, рука, сказать, свет, солдат* и т.д. Глагол *мочь* как показательный можно отмести сразу, он является одним из самых частотных

в русском языке и встречается среди всех частотных лексических комбинаций. Соседство глаголов *знать* и *идти* с *чертом* спровоцировано наличием идиоматических выражений. По словам Н.В. Шведовой, «процессуальные фразеологизмы с компонентом “черт” чаще всего обозначают мыслительно-речевую деятельность или движение в связи с тем, что субъектом описываемых фразеологизмов всегда является человек, который активно, осознанно, целенаправленно производит какие-либо действия» [Шведова, 2004, *7*]. Связь *черта* с *солдатом, немцем* и *Теркиным* – ситуативная в повествовательных текстах Твардовского, о чем уже говорилась. На этом фоне обращает на себя внимание второе по частотности соседства с *чертом* слово *дорога*. При попытке объяснить появление этой лексической комбинации нельзя исключать неосознанную связь с фразеологизмами с *чертом*, связанными с путем: «у черта на куличиках», «иди ты к черту».

По данным поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка, такое соседство не выявлено до Твардовского ни у одного из авторов, после Твардовского – только у Чухонцева:

Ах, от какой ни вспыхнуть спички,
в какую глушь ни двинуть пар –
по мне, хоть к **черту** на кулички,
вся жизнь – **дорога** да пожар!
(1978) [НКРЯ]

В стихотворении «Смоленщина» родная земля, кроме прочего, характеризуется *Непроезжей каторгой дорог* (I, *89*), неудивительно и появление чертыхания рядом.

В «Женитьбе шофера» досадной причиной невезения в знакомствах с девушками, по поводу чего и звучит крепкое словцо (*дела ни к черту*), является нехватка свободного времени, постоянная работа: *За дорогою дорога, Перевозки день за днем* (I, *213*).

Вся 13 глава «Страны Муравии» – описание дорожной встречи молодого тракториста с Моргунком. Рассказывая о неожиданной поломке трактора, паренек к месту и не к месту повторяет «Бога нет» и чертыхается. В 16 главе «Страны Муравии» председатель колхоза Андрей Ильич Фролов упрекает Моргунка в пустых шатаниях (*Без толку носит черт тебя!..* (I, *296*)). Сам он готов пешком, *без тропок дорог* обойти всю Европу, чтоб рассказать людям о преимуществах социалистической жизни.

В главе «На Днепре» в поэме «Василий Теркин» сдавшийся в плен «беспорточный» немец веселит солдат, они называют его *чертом*. А у Теркина он вызывает тяжелые мысли о том, что его, Теркина, фронтовая *дорога* оказалась длиннее, полная горьких потерь.

В поэме «Теркин на том свете» герой чертыхается, встречаясь с бюрократизмом по дороге на тот свет, в частности с отсутствием справки от врача.

Таким образом, не осознаваемые самим автором и не выявляемые невооруженным глазом индивидуально-авторские ассоциации связывают в поэтическом мире Твардовского *черта* с *дорогой* и возникающими на пути трудностями. При этом вполне конкретная дорога традиционно соотносится с жизненным и загробным путем и окрашивается из-за упоминаний черта в негативные тона.

* * *

Постепенное освоение образа черта в поэтическом языке А.Т. Твардовского происходит по принципу семантической градации – от экспрессивного возгласа до создания оригинального амбивалентного образа.

1. Черт – бранное междометие, легко заменяемое любым другим; максимально экспрессивное, поскольку это нарушение предшествующей традиции табу.
2. Черт – оценка, основанная на переакцентуации, выведении на передний план факультативного значения; о проявлении человеческих возможностей; своего рода степень превосходства.
3. Черт – образ, раскрывающий контекстуально противопоставленные понятия «наш солдат» и «немец, враг». Та сущность, которая под влиянием обстоятельств «вылезает» в любом человеке.

Неуловимым образом черт в поэтическом языке Твардовского связан с дорогой и трудностями на пути – жизненном и загробном.

В целом черт Твардовского не противостоит Богу. Его черт – это сверхъестественная сила, которая есть в каждом человеке. В трудных, «адских» обстоятельствах, коими являются война или тяжелый физический труд, она просыпается и в конечном счете становится залогом победы.

ЛИТЕРАТУРА

Даниленко В.П. «Что нужно, чтобы жить с умом?» О дневниках Александра Твардовского // Magister Dixit. 2015. № 3(19). С. 3–16. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chto-nuzhno-chtoby-zhit-s-umom-o-dnevnikah-aleksandra-tvardovskogo-1/viewer (дата обращения: 20.10.2020).

Ефременков М.С. Темы и идеи христианства в произведениях А.Т. Твардовского // «По праву памяти живой…»: материалы I Твардовских чтений. Смоленск: Маджента, 2006. С. 113–125.

Ильин В.В. Мифы и реальности поэтики Александра Твардовского // Литературное наследие А.Т. Твардовского в смене поколений. Смоленск: Свиток, 2015. С.17–25.

Кондратович А.И. Новомирский дневник. 1967–1970. М.: Советский писатель, 1991. 524 с.

Лакшин В.Я. После журнала. Дневник 1970 года // Дружба народов. 2004. № 9. С. 96–135.

Лотман Ю.М. Три заметки о Пушкине // Лотман Ю.М. Пушкин. СПб.: Искусство – СПБ, 1995. 847 с.

Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/new/ (дата обращения: 26. 01.2022).

Осипова Т.А. Индивидуально-авторский концепт «черт» в художественной концептосфере А.П. Чехова // Libri Magistri. 2020. № 2(12). С. 45–57.

Павлова Л.В., Романова И.В., Казарцев Е.В. Язык «свергнутой религии»: Твардовский о Боге // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2021. Т. 20, № 9. С. 96–107.

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов [и др.]. М.: АСТ: Астрель, 2002. URL: http://tesaurus.ru/dict/ (дата обращения: 26. 01.2022).

Сеть словесных ассоциаций. URL: https://wordassociations.net/ru/ассоциации-к-слову/черт?button=Найти (дата обращения: 26.01.2022).

Словарь современного русского литературного языка. Т. 17 / В.И. Чернышев (гл. ред.) [и др.]. М.–Л.: Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1965. 2126 стб.

Твардовский А. По праву памяти // Знамя. 1987. Кн. 2 (февраль).

Твардовский А. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. 2004. № 5. С. 138–167.

Твардовский А. Рабочие тетради // Знамя. 2005. № 9. С. 150–174.

Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1976–1983.

Титова Т.А. Образ пространства в поэме А.Т. Твардовского «Теркин на том свете» // Литературное наследие А.Т. Твардовского в смене поколений. Смоленск: Свиток, 2015. С. 127–132.

Толковый словарь русского языка. В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 4. М.: Изд. центр «Терра», 1996. 1500 стб.

Успенский Б.А. Облик черта и его речевое поведение // In Umbra: Демонология как семиотическая система. Альманах. Вып. 1 / отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. М.: Индрик, 2012. С. 17–65.

Фархутдинова Ф.Ф. Фразеологический словарь языковой личности в контексте лингвокультурной ситуации // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: материалы XI Международной научной конференции (Ульяновск, 11–14 мая 2011 г.) / отв. ред. А.В. Пузырев. М.: Ин-т языкознания РАН; Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2011. 224 с.

Шведова Н.В. Фразеологизмы с компонентами «Бог» и «черт» в современном русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 21 с.

Pavlova L., Romanova I. «Different» language of Alexander Tvardovsky, or in a different language about the author's style (practice of using software package «Hypertext search for co-occurring words in the authors' texts») // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2016. Special Issue (November) ELT in Russia. P. 248–257.

L.V. Pavlova
Doctor of Philological Sciences,
Professor,
Department of Literature and Journalism,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

I. V. Romanova
Doctor of Philological Sciences,
Professor,
Head of Department of Literature and Journalism,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

The Presence of the Devil in Alexander Tvardovsky's Artistic World

The present article examines a side of the traditional literary opposition «God vs devil», namely the devil. Tvardovsky's artistic world is anthropocentric. It denies

the presence and influence of supernatural principles on a person. In Tvardovsky's poetic language the lexemes God and the devil in most cases constitute a part of phraseological units. The gradual development of the image of a trait occurs according to the principle of semantic gradation – from an expressive exclamation to the creation of an original ambivalent image. However, the devil of Tvardovsky does not oppose God. It is a supernatural force existing in every person. It wakes up in difficult, «hellish» circumstances and becomes the key to victory.

Key words: *A.T. Tvardovsky; the image of the devil; phraseological units; the artistic world; lexical combinations.*

REFERENCES

Dictionary of the modern Russian literary language. Vol. 17. [Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. 17.]. Chapter. ed. by: Corresponding member of the Academy of Sciences of the USSR V. I. Chernyshev (editor-in-chief) and others; Acad. sciences of the USSR. In-t rus. lang. Moscow; Leningrad, Ed. and Type 1. Publishing House of Academy of Sciences of the USSR in Leningrad, 1965. 2126 columns (in Russian).

Explanatory dictionary of the Russian language [Tolkovyj slovar' russkogo jazyka]. In 4 vol. M., Terra, 1996, vol, 4, 1500 col. (in Russian).

Farkhutdinova F.F. Personality – time – phraseology in the main book of A.T. Tvardovsky [Lichnost' – vremya – frazeologiya v glavnoiknige A. T. Tvardovskogo]. *A.T. Tvardovsky: issledovaniya i materialy (mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Tvorchestvo A.T. Tvardovskogo v konteksterusskoi i mirovoi kul'tury» (5–7 oktiabria 2010))* [A.T. Tvardovsky: research and materials (international scientific conference «Creativity of A. T. Tvardovsky in the context of Russian and world culture» (October 5–7, 2010)]. Smolensk, Smolensk Uni Press Publ., 2010, vol. 1, pp. 52–61 (in Russian).

Ilin V.V. Myths and realities of Alexander Tvardovsky's poetics [Mify i real'nosti poetiki Aleksandra Tvardovskogo]. *Tvardovsky's literary heritage in the change of generations* [Literaturnoe nasledie A.T. Tvardovskogo v smene pokolenii]. Smolensk, Svitok Publ., 2015, p.17–25 (in Russian).

Kondratovich A.I. New world diary [Novomirsky dnevnik. 1967—1970]. Moscow, Sovetsky pisatel', 1991. 524 p. (in Russian).

Lakshin V.Ya. After the magazine. Diary of 1970 [Posle zhurnala. Dnevnik 1970 goda]. *Druzhba narodov*, 2004, no. 9, pp. 96–135 (in Russian).

Lotman Yu.M**.** Three notes about Pushkin [Tri zametki o Pushkine]. *Pushkin* [Pushkin]. St. Petersburg, Iskusstvo–SPB, 1995, pp. 339–349 (in Russian).

Osipova T.A. The individual author's concept of «devil» in the artistic conceptosphere of A.P. Chekhov [Individual'no-avtorsky kontsept «chert» v khudozhestvennoi kontseptosfere A.P. Chekhova]. *Libri Magistri*, 2020, no. 2(12), pp. 45–57 (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V., Kazartsev E.V. The language of «overthrown religion»: Tvardovsky about God [Yazyk «svergnutoi religii»: Tvardovsky o Boge]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, Series: History. Filology*, 2021, vol. 20, no. 9, pp. 96–107 (in Russian).

Shvedova N.V. Phraseological units with components «God» and «devil» in modern Russian. Abstract of thesis of ... candidate of philological sciences [Frazeologizmy s komponentami «Bog» i «chert» v sovremennom russkom yazyke. Avtoreferat …kandidata filologicheskikh nauk]. Tyumen, 2004. 21 p. (in Russian).

Titova T.A. The image of space in A.T. Tvardovsky's poem «Terkin in the afterlife» **[**Obraz prostranstva v poeme A. T. Tvardovskogo «Terkin na tom svete»]. *Literaturnoe nasledie*

A.T. Tvardovskogo v smene pokolenii [Tvardovsky's literary heritage in the change of generations]. Smolensk, Svitok Publ., 2015, pp. 127–132 (in Russian).

Tvardovskii A. Workbooks of the 60s [Rabochie tetradi]. *Znamya*, 2005, no. 9, pp. 150–174 (in Russian).

Tvardovsky A. Collected works: in 6 vols. [Sobranie sochineny v 6 t.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1976–1983 (in Russian).

Tvardovsky A. Workbooks of the 60s [Rabochie tetradi 60-kh godov]. *Znamya*, 2004, no. 5, pp. 138–167 (in Russian).

Tvardovsky A.T. By the right of memory [Po pravu pamiati]. *Znamya,* 1987, no. 2, pp. 3–15 (in Russian).

Uspensky B.A. The appearance of the devil and his speech behavior [Oblik cherta i yego rechevoye povedenie]. In Umbra: Demonology as a semiotic system [In Umbra: Demonologiya kak semioticheskaia Sistema]. *Almanac.* Issue 1. Ed. and comp. by D.I. Antonov, O.B. Khristoforova. Moscow, Indrik Publ., 2013, pp. 17–65 (in Russian).

Yefremenkov M.S. Themes and ideas of Christianity in the works by A. T. Tvardovsky [Temy i idei khristianstva v proizvedeniyakh A. T. Tvardovskogo]. *Po pravu pamyati zhivoi…»: materialy I Tvardovskikh chteny* [«By the right of memory alive ...»: materials of the 1st Twardovsky readings]. Smolensk, Madzhenta Publ., 2006, p. 113–125 (in Russian).

Pavlova L., Romanova I. «Different» language of Alexander Tvardovsky, or in a different language about the authorəs style (practice of using software package «Hypertext search for co-occurring words in the authors' texts»). *Modern Journal of Language Teaching Methods,* 2016, Special Issue (November) ELT in Russia, pp. 248–257 (in English).

Danilenko V.P. «What does it take to live wisely?» About the diaries of Alexander Tvardovsky [«Chto nuzhno, chtoby zhit' s umom?». O dnevnikakh Aleksandra Tvardovskogo]. *Magister Dixit*, 2015, no. 3(19), p. 3–16. *Available at*: https://cyberleninka.ru/article/n/chto-nuzhno-chtoby-zhit-s-umom-o-dnevnikah-aleksandra-tvardovskogo-1/viewer (accessed 20 October 2020).

Karaulov Y.N., Cherkasova G.A., Ufimtseva N.V. [et al.] Russian associative dictionary. In 2 vols. [Russky assotsiativny slovar'. V 2 t.]. Russian Academy of Sciences. Moscow, AST, Astrel Publ., 2002. *Available at*: http://tesaurus.ru/dict / (accessed 26 January 2022).

Network of word associations [Set' slovesnykh assotsiatsy]. *Available at*: https://wordassociations.net/ru/ассоциации-к-слову/черт?button=Найти (accessed 26 January 2022).

The National Corpus of the Russian language [Natsional'ny korpus russkogo yazyka]. *Available at*: https://ruscorpora.ru/new/ (accessed 12 September 2021).

подряд. Только тогда звучит их нежная и грустная музыка и магически расцветает сюрреалистическая и фраанжеликовская живописность метафор» [Варшавский, 1993, *51*]. В литературоведении этому вопросу посвящено также немало работ. О музыкальности как в образной, так и в стиховедческой структуре стихов Поплавского писал А. Чагин, анализируя стихотворение «Возвращение в ад»: «Действительно, в поэтическом своем творчестве Поплавский неизменно обращается к возможностям музыки, оказывающейся одной из важнейших духовных основ создаваемого им мира. Звуковая стихия в его стихотворениях дает знать о себе постоянно» [Чагин, 2008, *168*]. Чагин исследует традиционные образы творца и музы, подчеркивая, что музыкальность Поплавского связана с переосмыслением хрестоматийных литературных мифов. Об этом пишет О. Кочеткова, изучающая мифологему об Орфее и Эвридике. Как отмечает исследователь, овидиевский сюжет связывает поэтику Поплавского с эстетическими поисками младосимволистов и является аллегорией поиска потерянной «Родины». Отметим и ряд работ, в которых изучаются образы музыкальных инструментов, в данном контексте стоит назвать работы Н. Барковской, Н. Нориной, О. Кочетковой, Е. Тырышкиной [Барковская, 1998, *76–84*; Норина, 2016, *178–183*; Кочеткова, 2010, *11–17*; Тырышкина, 2018, *41–53*]. Но, говоря об образе скрипки в лирике монпарнасца, следует отметить: несмотря на краткие наблюдения Н. Нориной [Норина, 2016, *181*], существенные работы, в которых он был бы полностью изучен, отсутствуют, что является безусловным упущением, так как скрипка часто упоминается в поэзии Поплавского. Указанные факты обуславливают актуальность предлагаемой статьи.

Перед непосредственным исследованием стоит рассмотреть символику скрипки в предшествующей культурной традиции. Важным моментом является то, что скрипка имеет двойственную, антиномическую образность. В западноевропейской живописи эпохи Возрождения скрипка часто воспринималась художниками как инструмент Аполлона («Парнас» Рафаэля, «Аполлон» Джованни Батиста Досси), что связано с мифом о победе Аполлона над Паном в музыкальном турнире, после которого бог играл на семиструнной лире на Олимпийских пирах [Грейвс, 1992, *53–59*]. В эпоху романтизма распространился миф о скрипке как инструменте сатаны, что связано с легендами о Н. Паганини, продавшем душу Люциферу ради своей виртуозной игры, и Дж. Тартини, увидевшем во сне дьявола, игравшего на скрипке удивительную мелодию, которую композитор воспроизвел на нотной бумаге, создав сонату соль-минор «Дьявольские трели». Эти мифы, ставшие частью итальянского фольклора, трансформировались в сюжет о демоническом скрипаче и легли в основу новеллы Э. Гофмана «Советник Креспель» и повести Г. Гейне «Флорентийские ночи». Позже мифы о Паганини и Тартини в качестве сюжета рассказа «Ожившая скрипка» использует Е. Блаватская: «“Соната Дьявола”, называемая также “Сном Тартини”, <…> была самой таинственной изо всех когда-либо сочиненных на земле мелодий, поэтому превосходное произведение